

Опыт о Солженицыне

Прикосновение
вероятности

ソルジェニー
ツィン試論
(確率の手
触り)

Хироки
Адзума

hide books

Хироки Адзума

**Опыт о Солженицыне.
Прикосновение вероятности**

«Ад Маргинем Пресс»

1991

УДК 821.161.1.09 + 1(520)

ББК 83.3(2=411.2)6-8 Солженицын А. И. + 87.3(5Япо)

Адзума Х.

Опыт о Солженицыне. Прикосновение вероятности / Х. Адзума —
«Ад Маргинем Пресс», 1991

ISBN 978-5-908105-29-3

«Опыт о Солженицыне» — первый текст японского философа и критика Хироки Адзумы, с которого в начале 1990-х годов началась его интеллектуальная карьера. Отталкиваясь от «Архипелага ГУЛАГ», Адзума размышляет о том, как можно говорить о массовом насилии XX века: где проходит граница между статистикой жертв и судьбой отдельного человека, почему выживание в лагере оказывается делом случая и что значит для литературы и философии свидетельствовать о тех, кому не повезло. Ранний опыт Адзумы, соединяющий анализ прозы Солженицына с философией языка, позволяет увидеть истоки тем, которые он будет развивать в своих последующих книгах.

УДК 821.161.1.09 + 1(520)

ББК 83.3(2=411.2)6-8 Солженицын А. И. + 87.3(5Япо)

ISBN 978-5-908105-29-3

© Адзума Х., 1991

© Ад Маргинем Пресс, 1991

Содержание

Опыт о Солженицыне	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Хироки Адзума

Опыт о Солженицыне

Прикосновение вероятности

–

###

* * *

Copyright © 1993 Hiroki Azuma

Russian language translation rights in complex characters arranged with Hiroki Azuma through
Genron Co., Ltd., Tokyo

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

Японский философ, культуролог и критик Хироки Адзума на мероприятии в культурно-дискуссионном пространстве Genron Cafe в Токио осенью 2020 года. © Genron. Co., Ltd

Опыт о Солженицыне Прикосновение вероятности

В книге «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын пишет следующее:

Если человек в лагере круто подлеет, так может быть: он не подлеет, а открывается в нем его внутреннее подлое, чему раньше просто не было нужды?

М. А. Войченко считает так: «В лагере бытие не определяло сознание, наоборот, от сознания и неотвратимой веры в человеческую сущность зависело: сделаться тебе животным или остаться человеком».

<..>

Отчего же *этот* не растлился?

А *все уцелевшие* не припомнят ли того, другого, кто ему в лагере руку протянул и спас в крутую минуту?¹

Выглядит чересчур уж наивным. Как ни странно, Солженицын неоднократно в произведениях акцентирует внимание, например, на «сердце» народа («В круге первом»). Его сочинения описывают жестокую советскую действительность и экстремальные ситуации, в которых оказывались люди, но при этом в самый последний момент он всё же высказывает это чуть ли не смехотворное убеждение. Поэтому его книги оставляют после себя неприятное послевкусие морализаторства, притом морализаторства школярского. Вера здесь декларируется слишком откровенным, слишком обнаженным образом. Разумеется, это можно понять, скажем, если связывать Солженицына с русским православием или со славянофильством интеллигенции XIX века. Отсюда же получилось бы очертить и его «предел». Однако подобный «предел», по-видимому, может быть очерчен лишь там, где уже устранин вопрос, почему Солженицын до такой степени «нравственен».

Сочинения Солженицына, начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» 1962 года, разумеется, прочитывались не только с литературной точки зрения, но и в значительной мере в их политическом контексте. Вне этого контекста о них говорить невозможно. Более того, до высылки в Западную Германию в 1974 году он и сам вел чрезвычайно активную политическую жизнь. Поэтому теперь, когда политический контекст стал совершенно иным, его произведения могут выглядеть так, словно уже утратили ценность. По меньшей мере потому, что исключительно выдающимся «литератором» сам Солженицын не был. Уж если искусство соцреализма водится упрекать в чрезмерной идеологичности, то и произведения Солженицына, пусть и с противоположной направленностью, в этом смысле стоит понимать как ничем от него не отличающиеся. Они точно так же ни на шаг не выходят за рамки социального контекста и нисколько не приближаются к правде о человеке. Его произведения – не более чем нечто «подлежащее переработке» в качестве исторического материала...

Опираясь на подобные суждения, нетрудно обосновать «предел» Солженицына.

Но рассуждать о природе литературы или возможностях ее – тягостная для меня *вторичность*: что могу – то лучше покажу, чего не осилю – о том и не рассуждаю. И такую лекцию мою – каково будет прочитать бывшим зэкам? *Для чего ж* [курсив мой. – Х. А.] мне был голос дан и трибуна? Испугался? Разнежился от славы? Предал смертников?

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. Части III–IV // А. И. Солженицын. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. М.: Время, 2010. С. 504–505. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

Посилился я *соединить* [курсив мой. – Х. А.] тему общества и тему искусства – всё равно не получилось, два многогнутых стержня, отделяются, распадаются².

Здесь действительно проявляется некий «предел» Солженицына. Однако на деле этот «предел», должно быть, полностью противоположен тому, который представляем мы. Боюсь, мы и Солженицын стоим по разные стороны этого «предела». Потому-то его произведения и совершают всякий раз скачок к тому самому «декларированию веры» с неприятным послевкусием. Вернее, *кажется*, что совершают. В «декларировании веры» вопрошание Солженицына (вопрошание интеллигенции) в конечном счете терпит неудачу. Мы склонны воспринимать это как нечто подытоживающее литературу Солженицына, как ее завершение. Но *литература* Солженицына отсюда только начинается.

По приведенной цитате может показаться, будто Солженицын противопоставляет *общество* и *искусство*. Однако в действительности это не так. Во фрагменте выражено замешательство Солженицына по поводу содержания его нобелевской речи. Если бы он действительно противопоставлял *общество* и *искусство*, подобное замешательство было бы невозможно.

На деле всё наоборот: именно *потому*, что для Солженицына разделять искусство и общество было немыслимо, когда ему нужно было выступить на Нобелевской премии – площадке «искусства», – он не смог сказать ни слова. В конце концов он отказался от нобелевской речи. Само получение Нобелевской премии Солженицын воспринимал сугубо «политически». Иная трактовка для него была невозможна. Рассуждение о «природе литературы» представлялось ему «тягостной вторичностью». Обычно подобные высказывания принято понимать как проявление «политичности» его «литературы». Однако для него самого слов более бессмысленных, чем «политичность литературы», пожалуй, не было.

Литературные произведения Солженицына отнюдь не представляют собой что-то выдающееся. Не похоже, чтобы он отчетливо сознавал границы, присущие жанру романа, и, вероятно, столь же слабо он ощущал неизбежную политичность, которую несут в себе акты письма или речи. В целом он до удивления безразлично – с нашей точки зрения – относился к тому, что его высказывания могут быть истолкованы неверно. Но если так, то нам следует осмыслить *лагерь* именно из того положения³, которое сделало Солженицына столь безразличным. На первый взгляд это может показаться как чем-то неотличимым от сложившегося «политического» прочтения литературы Солженицына, так и разрывом с его произведениями (так и есть, при написании этого очерка я в значительной мере опирался на биографические материалы и интервью). Никак иначе, как мне представляется, прочесть Солженицына невозможно. К примеру, говоря о том, чтобы «читать литературу политически», мы уже исходим из немыслимой для него разделительной линии между «литературой» и «политикой». Как видно из приведенной цитаты, Солженицын создавал «литературу» *именно потому, что не мог провести эту*

² Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // А. И. Солженицын. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. М.: Время, 2018. С. 304–305.

³ В оригинальном тексте используется *кѐи* (##) – составное слово из иероглифа *кѐ* (#, граница, область, ситуация) и иероглифа *и* (#, позиция, место). В контексте эссе важно, что оно обозначает не «место», а экзистенциально нагруженное «место-положение», то есть обозначает не позицию, которую человек *выбирает*, а позицию, в которой он *обнаруживает* себя. Адзума неслучайно использует именно это слово, так как *кѐи* несет в себе оттенок претерпевания и невольности: человек *поставлен* в это положение, а не занял его сам. Для русского перевода было выбрано слово «положение», так как, с одной стороны, Солженицын оказался именно в определенном «положении» – одновременно и жизненном, и философском, – и Адзума описывает то, как оно определило саму возможность его литературы; а с другой стороны, слово «положение» хорошо перекликается с хайдеггерианским контекстом этого эссе. Хайдеггер в лекционном курсе «Положение об основании» (Der Satz vom Grund, 1955–1956) обыгрывает двойственность немецкого слова *Satz*: это и «положение» (тезис, высказывание), и «скачок» (прыжок, *Sprung*). Положение об основании – это не только высказывание об основании, но и скачок в основание. Нечто подобное происходит и в тексте Адзумы: *кѐи*, в котором расположен Солженицын, – это не мертвая точка, а опора для отталкивания, из которой совершается мыслительный скачок. – *Примеч. пер.*

линию. А если так, то нам прежде всего необходимо приблизиться к тому самому положению, которое занял Солженицын – или, вернее, в которое он был поставлен.

Принято считать, что исток «литературы» Солженицына – в лагерном опыте. Но, боюсь, он не послужил просто отличительной чертой для его литературных склонностей. Для него лагерь не был «темой». Лагерь присутствует в литературе Солженицына как фактичность, которую невозможно постичь до конца. Как будет показано далее, он не понимает лагерь. В «сердце» народа и тому подобное он, вероятно, и сам не верит. Но тем не менее, чтобы рассказать о «факте» лагеря, ему не остается ничего другого, как говорить о «сердце». «Литература» Солженицына разворачивается как аллегория, выстроенная вокруг факта лагеря – вокруг того «опыта», чьи контуры удалось лишь приблизительно обвести в «Архипелаге ГУЛАГе», нанизывая друг на друга огромные массивы документальных свидетельств.

Например, вот что думает о своем сроке Шухов, главный герой «Одного дня Ивана Денисовича»:

Так вот живешь об землю рожей, и времени-то не бывает подумать: как сел? да как выйдешь? <...> И расчет был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживешь еще малость. Подписал⁴.

Схожим образом в романе «В круге первом» разворачивается образ Спиридона. Главный герой Нержин – представитель интеллигенции, его образ почти в точности воспроизводит самого Солженицына. Нержин полагает, что Спиридон и есть тот представитель «народа», у которого интеллигенции надлежит учиться, и слышит из его уст историю «жизни одной-единственной песчинки – русского мужика»⁵ (главы 63–64). Однако понять основания поступков Спиридона Нержин совершенно не способен. Его поведение кажется начисто лишенным какого-либо смысла. Тем не менее в конкретных ситуациях Спиридон нисколько не сомневался (эта оговорка повторяется рефреном), находил выход и проявлял невероятную рассудительность. Нержин спрашивает Спиридона, по каким меркам различать добро и зло:

⁴ Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // А. И. Солженицын. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. М.: Время, 2007. С. 51–52.

⁵ Солженицын А. И. В круге первом // А. И. Солженицын. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 2. М.: Время, 2011. С. 487.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.